

Яницкий О.Н. 2010. Модернизация, концепция реформ и социальные реалии. — *Россия реформирующаяся: ежегодник*. М.: Новый Хронограф. С. 124-139.

Huntington S. 1976. *The Change to Change: Modernization, Development and Politics. — Comparative Modernization*. New York: Free Press.

BYURAEVA Yuliya Grigor'evna, *Cand.Sci.(Soc.)*, Leading Researcher of Buryat Science Center of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences (Sakh'yanovoi str., 8, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Russia, 670047; julbur@yandex.ru)

THE ROLE OF MANAGERS IN MODERNIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

Abstract. *The article reveals a role of managers as the actors of modernization in Russia. The author concludes that the role of a state as an exclusive driving force of modernization processes is reduced in modern conditions. Historical experience shows that authoritarian modernization of the Russian society did not lead to the anticipated outcomes. In this context there is a need for the modernization based on solidarity and consolidation of members of a society. Managers can become the main driving force of such modernization. Managers become a part of the modernization process which has its own trajectory. Therefore the author concludes the growing importance of the managers in modernization of the society. In the Russian conditions the most effective type of a manager, who combined the features as of the traditional, so of the modern leader is forming.*

Keywords: *managers, Russian society, modernization, innovation*

АЙДИНОВ Халин Тохтарович — к.э.н., профессор кафедры экономики и управления на предприятиях малого и среднего бизнеса Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет) (109004, Россия, г. Москва, ул. Земляной Вал, 73; xalin.ajdinov@mail.ru)

ГУГНЯК Валерий Яковлевич — к.э.н., доцент кафедры экономики и управления на предприятиях малого и среднего бизнеса МГУТУ им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

РОССИЯ В МИРОВОМ ИННОВАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *В статье на значительном фактическом материале показано место России в мировом инновационном пространстве, анализируются взаимосвязи между затратами на НИОКР, конкурентоспособностью российской продукции на мировом рынке, качеством товаров и уровнем развития науки и техники. Автор делает вывод, что курс на модернизацию невозможен без реиндустриализации страны и промышленной политики, четко ориентированной на достижение приоритетных целей.*

Ключевые слова: *индустриализация, модернизация, инновация, НИОКР, конкурентоспособность продукции, мировой рынок инноваций, отраслевая наука, частные инвестиции, патентование изобретений, эффективность научного труда*

В 2013 г. в стране произошли два очень важных события, далеко не самых резонансных на фоне масштабной подготовки к зимней Олимпиаде в г. Сочи и конфликта на Украине. Это реформа Российской академии наук, немного не дотянувшей до празднования своего 300-летия, и снижение темпов роста ВВП. Самое примечательное, что снижение произошло не в условиях мирового экономического кризиса, как это было в 2008–2009 гг. Тогда можно было оправдать спад в российской экономике крахом «мыльного пузыря» на рынке недвижимости в США. В 2013 г. мировая конъюнктура была хотя и не блестящей, но достаточно благоприятной. Правда, экономика ЕС находится в фазе стагнации (–0,4% роста ВВП в 2012 г., + 0,1% в 2013 г.), зато в экономике Китая рост составил 7,6% ВВП, Индии – 4,8%, Бразилии – 3%, США – 1,8%. Всем, кто хоть немного разбирается в национальной бухгалтерии, ясно: экономика России уверенно втягивается в кризис и, вероятно,

надолго, ибо корни этого кризиса эндогенны как для экономики, так и для общества в целом. Экономический рост в период с 2000 по 2008 г. (в среднем 6–7% в год) был впечатляющим, но это был рост, прежде всего, восстановительный, и не более того. Правительство при этом демонстрирует полную беспомощность в поиске новых источников роста ВВП, уповая то на рост экспорта зерновых, то на экспорт программного обеспечения, то на возможный экономический бум в европейской зоне.

Два события: и «реформа» РАН, и кризисное состояние России только на первый взгляд совершенно не связаны между собой. В действительности между ними существует глубокая и устойчивая связь. Российская экономика так и не встала на путь модернизации, уповая на созданный полвека назад советский производственный потенциал. Структура экономики страны становится все более архаичной. Доля машин и оборудования в экспорте России свелась к минимальному уровню – 3% (в Китае, между прочим, эта доля превышает 50%). Даже во Вьетнаме доля машин и оборудования в экспорте составляет 13%¹, а мяса на душу населения Вьетнам производит 50 кг – больше, чем Россия. Устала русская тройка и все медленнее тащится по разбитым российским дорогам.

Модернизация в России явно запаздывает. А ядром модернизации, как известно, являются инновации. Без рывка в инновационной сфере рассчитывать на приличные темпы экономического роста в современном мире уже невозможно. Науке во всем мире отводится авангардная роль в инновационном процессе. В таком свете реформа РАН уже не выглядит случайным явлением. И даже срочное рассмотрение вопроса в два приема (неделя в конце летней сессии и неделя в начале осенней сессии Госдумы) хорошо вписывается в процесс деградации российской науки: без предварительного обсуждения, без определенных целей и плана. Сбросить этот ненужный балласт – и все. И как это напоминает другой подобный эксперимент – расширение территории Москвы в 2,5 раза, решение по которому было принято в срочном порядке, без обсуждения. О целях данного «эксперимента» политики и эксперты сказать ничего вразумительного до сих пор не смогли. Возможно, это неведомый способ модернизации экономики: сделать Москву самым крупным мегаполисом мира с населением 30–35 млн чел., сконцентрировав в нем около четверти населения страны.

Идея реформирования РАН и даже упразднение ее как несвоевременной и неэффективной организации была высказана еще на заре перестройки и быстро стала популярной среди либеральной интеллигенции, особенно гуманитарной. Впрочем, речь тогда шла не только о РАН, но и о необходимости большой науки в России вообще. Придя к власти в 1991 г., либералы вдохновлялись лозунгом: «Наука должна сама себя кормить!», распространив этот тезис не только на исследования в области прикладной науки, но и на фундаментальные исследования, где результаты ученых или не имеют непосредственной коммерческой выгоды, или могут иметь, но в лучшем случае через несколько десятилетий. Если в 80-х гг. доля расходов на науку в СССР составляла 3–4% ВВП, то в 1992 г. правительство уменьшило эту цифру до 0,74% ВВП. При средней заработной плате в стране в 1992 г. в 4 400 руб. в месяц доктор наук получал 3 500 руб., кандидат наук – 2 700 руб. (соответственно 80% и 30% средней зарплаты), что сразу превратило эти недавно еще элитные по доходам категории работников в самые низкооплачиваемые (38% всех работающих, зарабатывающих меньше 3 500 руб. в месяц). Зато рядовой сотрудник Совета министров получал в среднем 20 000 руб. в месяц (тогда-то чиновник и ощутил себя представителем элиты). Уровень жизни и научных работников, и преподавателей вузов был на грани нищеты. Тогда и начался массовый переход людей из науки в бизнес, а коррупция и взяточничество утвердились как норма поведения в вузах. Молодые, наиболее перспективные ученые и работники продуктивного возраста (30–35 лет) стали уезжать за границу. Ректор физико-технического университета в г. Долгопрудном с гордостью говорил, что каждый год из вуза около 150 чел. уез-

¹ *Россия и страны мира. 2012*: статистический сборник (ред. колл.: А.Л. Кевеш (председатель), О.И. Антонова, Б.И. Башкатов и др.). М.: Росстат. 2012. С. 363.

жают после его окончания в США, пополняя высококвалифицированными специалистами лаборатории и конструкторские бюро американских компаний, в т.ч. и оборонного комплекса, а еще больше уезжает на работу в страны Западной Европы. Действительно, было чем гордиться! За последнее десятилетие резко снизился престиж деятельности ученого в России. В США ученые принадлежат к элите общества, их зарплата в 2–2,5 раза выше средней по стране. Престиж труда ученых очень высок. По данным опросов общественного мнения в США профессия ученого занимает самое высокое после врача место среди 20 профессий, опережая профессии инженера, министра, архитектора, юриста, банкира, бухгалтера, бизнесмена, риелтора. 56% опрошенных с уважением относятся к деятельности ученых. В России, по данным опроса 2011 г., только 1% относился с уважением к труду научных работников (по этому показателю ученые заняли 11-е место среди профессий; ниже стоят только дворники и чернорабочие). Только 2,5% опрошенных смогли назвать имя какого-либо крупного ученого, прославившего нашу страну. Часто ли приходится видеть в метро молодых людей, увлеченно углубившихся в чтение журналов «Наука и жизнь» или «Техника молодежи», а ведь на чтении этих и других подобных журналов в советское время было воспитано не одно поколение энтузиастов, затем заполнивших лаборатории научных институтов и конструкторские бюро. Не способствуют росту престижа науки и постоянные скандалы, связанные с защитой многих кандидатских и докторских диссертаций. Уровень современных кандидатских диссертаций зачастую не дотягивает до уровня хорошего диплома студента образца 80-х гг. Конвейер по написанию и защите диссертаций работает весьма исправно, пополняет ряды «ученой братии». И вот уже депутаты Госдумы (области, региона, республики) стремятся стать не кандидатами, нет, а сразу взять штурмом степень доктора наук. И уже никого не удивляет, что наши университеты и институты все ниже и ниже опускаются в мировом рейтинге ведущих вузов мира. МГУ — где-то в конце первой сотни или в начале второй, а Санкт-Петербургский университет занимает почетное место в четвертой сотне (301–400-е место). А между тем целых 5 университетов Финляндии стоят в первой сотне. При всей относительности подобных рейтингов, они в какой-то степени (как любая оценка школьника или студента) отражают реальность. И «лихие 90-е» романтизированные в литературе, кино, телевидении, и «комфортные и сытые» нулевые (2000–2010 гг.) с их декоративным патриотизмом сделали все возможное, чтобы низвести российское образование на уровень не так давно возникшего на карте мира государства Папуа — Новая Гвинея (в России хорошо известного как «берег Маклая»).

Но, может быть, российский бизнес, который, по мнению наших либералов, является креативным классом, носителем прогресса в экономике и обществе и определяет перспективы будущего России, верит в науку и готов способствовать ее развитию? К сожалению, дело обстоит прямо противоположным образом. Российский бизнес с первых лет своего существования (последние годы перестройки и эпоха Гайдара и его команды) был нацелен на быструю отдачу от капитала, сверхвысокую норму прибыли. А с наукой проблем не оберешься. Вот Стефенсон, который построил в 1825 г. первый паровоз, потратил на это 35 лет! В США с 1927 по 1960 гг. было сконструировано 62 типа гражданских самолетов, а в серию на производство пошло лишь несколько. Не прибыльное дело это — наука. И слишком долго надо ожидать результатов. По опросам, лишь 1% наших бизнесменов готовы вкладывать деньги в науку, поэтому что-то не слышно ни о частных исследовательских институтах, ни о прославленных частных лабораториях.

Разумеется, между затратами общества на науку, темпами ее экономического роста и уровнем технического прогресса и производительности труда нет прямой зависимости. Экономическая жизнь слишком сложна и изменчива, чтобы в ней все можно было рассчитать и разложить по полочкам, как в механике. И тем не менее существует достаточно устойчивая корреляция между затратами страны на науку и конкурентоспособностью ее продукции на мировом рынке, качеством товаров, уровнем развития техники и технологии. И если инновации не всегда приносят, особенно на первых этапах, ощутимый эффект, то это не значит, что ими не нужно заниматься. Одна из основных функций бизнеса — способность идти и преодоле-

вать неопределенность на рынке. Когда речь идет о рутинных методах присвоения прибыли (используя, например, полурабский труд мигрантов), то ни о каком прогрессе в экономике говорить нельзя.

Когда начался восстановительный рост российской экономики, удельный вес затрат на науку немного подрос (1,07% ВВП в 2005, 1,12% в 2011 г.)¹. Устойчивая стабильность на достаточно низком уровне все эти годы говорит о том, что это нормальный «естественный уровень» для России и радикальных изменений в области науки ждать не следует. Конечно, можно успокоиться, полагая, что это не самый плохой показатель. Существуют страны, отстающие от России. В Казахстане на науку идет лишь 0,29% ВВП, в Киргизии – 0,15%, в Таджикистане – 0,09%, но в ЮАР – уже 0,93%, а в Турции – 0,94% ВВП, и они скоро нас обгонят. А вот страны более развитые, которые хотят таковыми оставаться, тратят на науку большую долю ВВП: Израиль – 4,40% ВВП, Финляндия – 3,83%, Республика Корея – 3,71%, Швеция – 3,40%, Швейцария – 2,99%, США – 2,90%, Германия – 2,82%. Именно эти страны в мировой технологической гонке и по конкурентоспособности устойчиво занимают лидирующие позиции. От них стремятся не отставать: Австрия – 2,76%, Австралия – 2,28%, Бельгия – 1,99%, Канада – 1,87% и даже бывшие сателлиты СССР: Эстония – 1,83%, Чехия – 1,58%, Словакия – 2,11%. Стремительно рвется вверх Китай – 1,77%. В гонке за лидерами Россия явно проигрывает.

Правда, по общему объему затрат на НИОКР (32 млрд долл. по ППС в 2010 г.) Россия все еще входит в десятку мировых лидеров, уступая США – 425 млрд долл. и Китаю – 180 млрд долл.², ЕС в целом – 327 млрд долл. (в т.ч. Германия – 86,3 млрд долл., Франция – 50 млрд долл., Великобритания – 39 млрд долл.), Японии – 147 млрд долл., Республике Корея – 53,2 млрд долл. Южная Корея с численностью населения 48 млн чел. тратит на науку больше, чем Россия с населением в 143 млн чел., – и где на мировом рынке корейские товары и где российские? Другие конкуренты России пока что ей уступают: Бразилия – 26 млрд долл., Австрия – 19 млрд долл., Польша – 6 млрд долл., Украина – 2,5 млрд долл., Италия – 24 млрд долл., Испания – 20,4 млрд долл. Да, бывшая великая научная держава занимает сейчас на научной карте скромное 8-е место. Но на пятки наступают южноамериканский гигант Бразилия с населением 200 млн чел. и огромная по территории, но не по населению (32 млн чел.). Австралия, которая также является преимущественно экспортером сырья, но не стремится экономить на инвестициях в науку и образование.

Те 32 млрд долл., которые вкладывает Россия в науку, не позволяют ей реализовать крупные научные программы – мегапроекты (на это не способна даже Германия, где затраты на науку в 2,6 раза больше, чем в России). Во-вторых, надо учесть, насколько эффективно эти 32 млрд тратятся. В конце 2013 г. Счетная палата при Госдуме провела аудит «инновационного» проекта «Сколково» и выявила, что из 60 млрд руб., затраченных на реализацию аналога Силиконовой долины, 30 млрд руб. были использованы не по целевому назначению, т.е. половина, попросту говоря, разворована. Вероятно также, что львиная доля этих денег ушла на НИОКР оборонного комплекса, оставив гражданскую науку на положении бедной родственницы, donaшивающей одежду, давно вышедшую из моды. Но жив, жив еще курилка! По числу занятых в сфере науки мы занимаем почетное 4-е место, уступая, естественно, огромной армии ученых Китая – 2 550 тыс. чел.³, США, Японии – 878 тыс. чел. Но если в 1991 г. в сфере НИОКР в России было занято 1 533 тыс. чел., то в 2011 г. – 735 тыс. чел., т.е. в 2 раза уменьшилась их творческая продуктивность. И все-таки в этом отношении научный потенциал России еще очень велик и далеко превосходит таковой у Германии (550 тыс. чел., занятых в НИОКР), Франции – 320 тыс., Великобритании – 320 тыс., Южной Кореи – 335 тыс. (она стремительно ворвалась в лидеры мирового научного сообщества). Прочие конкуренты России

¹ *Россия и страны мира. 2012*: статистический сборник (ред. колл.: А.Л. Кевеш (председатель), О.И. Антонова, Б.И. Башкатов и др.). М.: Росстат. 2012. С. 323.

² Там же. С. 322.

³ Там же. С. 320.

по числу занятых в НИОКР отстают от России весьма далеко: Бразилия – 235 тыс., Италия – 219 тыс., Испания – 222 тыс. чел.

Следует учесть, что 19% исследователей в России заняты в секторе высшего образования (т.е. 1 из 5 занятых в сфере НИОКР). Учитывая, что учебная нагрузка преподавателей в России в настоящее время примерно в 2 раза выше, чем в годы СССР, в 3 раза выше, чем в странах Западной Европы, и в 4 раза больше, чем в США, типичный преподаватель вуза, занятый поисками дополнительного заработка, за редким исключением (элитные университеты), вряд ли способен внести достойный вклад в мировой научный фонд. В других странах вузовский сектор (по удельному числу занятых в сфере НИОКР) занимает гораздо более достойное место: в Германии – 27%, Италии – 47%, Голландии – 38%, Великобритании – 60%, Франции – 29%, Бразилии – 69,5%. Жизнь преподавателей в этих странах тоже, надо думать, гораздо более достойна, чем в России. В какой еще стране можно видеть профессора, ставка которого, установленная на федеральном уровне, уступает зарплате рядового продавца магазина.

Впрочем, громада общей численности занятых в сфере НИОКР в России перестает впечатлять, если учесть такой показатель, как затраты на одного занятого в сфере науки. Эти затраты, как известно, не ограничиваются зарплатой ученых, сюда входят и затраты на оборудование и приборы, на ЖКХ и многое другое, без чего не могут функционировать научные организации и лаборатории. В России с 2010 г. на одного ученого тратятся 40 тыс. долл.¹, но если сравнить эту цифру с другими странами, то нищета современной российской науки станет более чем очевидной. В Швеции, Японии и Республике Корея содержание одного ученого обходится в 180 тыс. долл., в Германии – 150 тыс. долл., в Финляндии – 135 тыс. долл., в Великобритании – 120 тыс. долл., в Китае планка опускается до 84 тыс. долл. (но все-таки в 2 раза выше, чем в России), в Бразилии – 98 тыс. долл., в Турции – 110 тыс. долл.

По источникам финансирования в России с большим преимуществом лидирует государственный сектор – 70%. А вот российский бизнес не очень охотно стремится вкладывать деньги в науку (25,5%), что вполне отвечает сырьевой ориентации экономики нашей страны. В других странах сырьевые компании тоже не особенно охотно вкладывают деньги в науку. Крупнейшая в мире нефтяная компания «Экссон» (США), хотя в 4 раза более щедра по отношению к науке, чем наше «национальное достояние» – Газпром, все-таки уступает компании ИБМ в этом отношении в 9 раз(!), имея объем продаж в 2 раза больше. 60–80% всех частных затрат на НИОКР приходится на долю фирм, занятых в обрабатывающей промышленности стран Запада. Обвальная деиндустриализация российской экономики и уничтожение отраслевой науки в 90-е гг. стали надежным заслоном на пути частных инвестиций в науку в нашей стране. Госсектор в развитых странах Запада в качестве источника финансирования науки играет второстепенную роль. В Германии (по сравнению с частным бизнесом) – 29,7% и 65,7% соответственно, в США – 31,3% и 61,6%, в Японии – 17,2% и 75,9%, во Франции, где государство традиционно играет значительную роль, – 39,7% и 51%, в Великобритании – 32,7% и 45,7%. В Китае государство обеспечивает 24% инвестиций в НИОКР, а частный бизнес – 71,7%. В Республике Корея доля государства и бизнеса примерно соответствует китайскому варианту – 23,7% и 71,8% соответственно.

Одним из важнейших результатов научной деятельности ученых, как известно, является патентование изобретений. Когда-то СССР был одним из лидеров в этой сфере, конкурируя только с Японией и США. После полного развала изобретательской деятельности в 90-е гг. в первом десятилетии XXI в. наблюдается некоторый подъем. Если в 2000 г. было выдано 17 592 патента, в т.ч. 14 444 национальных и 3 148 иностранных, то в 2011 г. число выданных патентов увеличилось до 30 000 (рост на 70%), в т.ч. национальных – 20 339 (рост на 40%) и иностранных – 9 360 (рост в 3 раза). Мы опережаем в сфере изобретательской деятельности и Германию, выдавшую 13 676 патентов, и Францию – 9 899, и Великобританию – 5 594, и Индию

¹ Там же. С. 320.

– 6 168. Мировым лидером в патентовании изобретений является Япония – 222,7 тыс. в 2010 г. (в т.ч. национальных – 187,2 тыс., иностранных – 35,5 тыс.), следом идут США – 219 тыс. (в т.ч. национальные – 107,8 тыс., иностранные – 111,8 тыс.), Китай – 135,1 тыс. (в т.ч. национальные – 79,8 тыс.) и Республика Корея – 68,8 тыс. (в т.ч. национальные – 51,4 тыс.)¹.

В науке, как хорошо известно, не существует показателей, которые могли бы прямо, непосредственно измерить эффективность научного труда. Это касается не только фундаментальной науки, результаты которой могут дать положительный эффект иногда через многие десятки лет (как можно оценить эффект открытия в 1823 г. гениальным русским математиком Н.Лобачевским принципов неевклидовой геометрии), но часто и результатов прикладной науки и конструкторской мысли. Одним из способов найти количественную меру эффективности научной деятельности (в сущности, меры всегда неточной и косвенной) является число публикаций ученых в журналах, индексируемых *Web of Science*. В 2000 г. удельный вес стран в общем числе этих публикаций был следующим²: США – 32,7%, Великобритания – 7,65%, Германия – 6,89%, Япония – 4,85%, Франция – 4,85%, Италия – 3,23%, Канада – 2,85%, Китай – 2,53%, Россия – 2,40%. К 2010 г. ситуация в мире научных публикаций изменилась радикальным образом. США, разумеется, сохранили свое безусловное лидерство – 28,79%, но на 2-е место вышел Китай, потеснив ведущие европейские страны – 8,74% (рывок за 10 лет впечатляющий!). Великобритания оказалась на 3-м месте – 5,87%, Германия на 4-м – 6,71%, 5-е место заняла Франция – 4,82%, затем Канада – 4,28%, Италия – 3,97%, Испания – 3,34%, Индия – 2,79%. 11-е место у Австралии – 3,02%, далее Южная Корея – 2,78%, Бразилия – 2,25%. У России 15-е место – 1,75%, на пятки нам наступают уже такие «великие» научные державы, как Тайвань – 1,63%, Швейцария – 1,70%, Турция – 1,58%, Польша – 1,34%, Швеция – 1,44%. Комментарии здесь, думается, просто излишни.

Если судить по статистике, российский бизнес в принципе отторгает от себя всякие намеки на инновационную деятельность. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций промышленного производства в России был самым низким из 27 европейских стран, среди которых проводилось обследование. В России этот показатель был равен 9,4%. В то же время в Германии – 71,8%, Эстонии – 52,8%, Финляндии – 52,5%, Франции – 40,7%, Швеции – 49,6%, даже в Болгарии – 29,2%, в Венгрии – 21,7%, Польше – 22%³. При этом в России удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в добыче полезных ископаемых, в 2010 г. составил 5,8%, в обрабатывающей промышленности – 11,5%, в т.ч. в производстве машин и оборудования – 13,1%, производстве текстильных и швейных изделий – 5%, производстве изделий из кожи и обуви – 4,8%, полиграфической промышленности – 3,2%, металлургическом производстве – 13,1%, производстве электротехнического и электронного оборудования – 26,7%, производстве транспортных средств и оборудования – 22,7%⁴.

Как видим, число организаций, внедряющих технологические инновации в промышленности России, выше всего в машиностроении, а ниже всего – в добыче полезных ископаемых, текстильной, легкой, обувной и полиграфической промышленности, традиционно отстающих в России в области модернизации. В сфере модернизации отрасли связи, в последние два десятилетия демонстрирующей во всем мире бурный рост, Россия занимает последнее место среди 27 стран. Доля организаций, осуществляющих в 2014 г. технологические инновации, в общем числе организаций связи составляла в Эстонии 85,7%, Германии – 84,9%, Австрии – 83,4%, Финляндии – 33,7%, Италии – 73,9%, Швеции – 61,4%, Румынии – 25%, Литве – 27,9%, Латвии – 15,2%, Болгарии – 19,4%, России – 11,9%.

Если взять структуру затрат на инновации в России, то большая часть затрат при-

¹ Там же. С. 323-327.

² Там же. С. 328.

³ Там же. С. 320.

⁴ *Россия в цифрах. 2012*: краткий статистический сборник (ред. колл.: А.Е. Суринов, Э.Ф. Баранов, Н.С. Бугакова и др.). М.: Росстат. 2012. С. 406-407.

ходится не на исследования и разработки, а на простую закупку машин и оборудования (в промышленном секторе — 58%, а в отрасли связи — даже 85%). С подобной «модернизацией» мы, вероятно, еще будем долго плестись в хвосте инновационных процессов в мире.

Данные статистики подтверждаются и рейтингами конкурентоспособности России, которые периодически публикуются в мировом глобальном рейтинге конкурентоспособности (исследования *IN SEAD* проведены среди 103 стран по 48 показателям). В этом рейтинге Россия заняла 51-е место, а по развитию человеческого капитала — только 63-е место (позади Ботсваны — 61-е место и Намибии — 52-е место). По качеству бизнеса Россия занимает 88-е место, а по готовности российских компаний инвестировать в новые технологии — 101-е место(!) среди 103 стран¹.

Курс на модернизацию, о котором президент России В.В. Путин впервые заговорил более 10 лет назад, невозможен без реиндустриализации страны и промышленной политики, четко ориентированной на достижение приоритетных целей. Индустриализация, как и 80 лет назад, во время первых пятилеток, должна позволить России вновь занять достойную позицию в мире и уйти от роли сырьевого придатка («ведущая энергетическая держава в мире») в международном разделении труда. Индустриализация, и только она, позволит возродить науку в России, повысить престиж научного труда. Никакая модернизация невозможна, если ученым и науке отводится второстепенное место. Именно наука должна идти в авангарде модернизации. Россия переживает процесс трансформации одной социальной системы в другую, но, как писал американский социолог Дж. Нейсбит, время между эпохами — это время неопределенности, но это прекрасное время наполнено «дрожжами возможностей». «Во время взрывных перемен можно совершить чудеса... если только иметь ясный взгляд и четкую концепцию и хорошо видеть лежащую впереди дорогу» [Нейсбит 2003: 356]. Будем же надеяться на то, что России и российской науке удастся определиться со своей дорожной картой и через туман неопределенности увидеть перспективы своего цивилизованного развития.

Список литературы

Нейсбит Дж. 2003. *Мегатренды* (пер. с англ. М.Б. Левина). М.: АСТ; НПП «Ермак». 384 с.

AIDINOV Khalin Tokhtarovich, *Cand.Sci.(Econ.)*, Professor of the Department of Economics and Management at the Enterprises of Small and Medium Business, Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy (Zemljanoj Val str., 73, Moscow, Russia, 109004; xalin.ajdinov@mail.ru)

GUGNYAK Valerii Yakovlevich, *Cand.Sci.(Econ.)*, Associate Professor of the Department of Economics and Management at the Enterprises of Small and Medium Business, Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy

RUSSIA IN THE GLOBAL INNOVATION SPACE

Abstract. The authors use a significant factual and statistical material in order to show Russia's place in the global innovation space. They analyze first of all the relationship between the cost of scientific works (R&D), competitiveness of Russian products on the world market, the quality of products and level of development of science and technology. Russia's economy has steadily drawn into the crisis, and probably for a long time, because the roots of this crisis are endogenous, both for the economy and for society as a whole. It is concluded that any policy of modernization is impossible without re-industrialization of the country. The article clearly focuses on the priority purposes of industrial policy.

Keywords: industrialization, modernization, innovation, R&D, competitiveness, global market innovation, industry science, private investment, patenting of inventions, effectiveness of scientific work

¹ Талантами не вышли. — *Ведомости*. 27.11.2013.